

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

РЕЦЕНЗИИ

Новые книги по истории еврейских типографий

פריעדבערג חיים דובעריש.
I. תולדות הדפוס העברי בפולניא מראשית
התפתחותו בשנת רצ"ד... עד היום. מעובד
על פי המקורות (עם תמונות)... אנטוורפן,
תרצ"ב.

II. תולדות הדפוס העברי במדינות איטליה,
אספמיה-פורטוגליה, תונרמה וארצות הקדם
מראשית הוסדו והתפתחותו בערך שנת
רל"ב... מעובד על פי מקורות נדפסים וכתבי
יד... אנטוורפן, תרצ"ד.

(Фридберг, Х. Д. I. История еврейских типографий в Польше¹ со времени их возникновения в 1534 г. до настоящего времени. Обработано по источникам (со снимками). Антверпен, 1932, 5 л. снимков + 119, [1] стр. 4⁰. II. История еврейских типографий в Италии, Испании, Португалии, Турции и странах Востока со времени их возникновения около 1472 г. ... Обработано по печатным и рукописным источникам... Антверпен, 1934, [4], 140 стр. + 31 л. снимков, [1] стр. 4⁰. Печатано в количестве 200 экз.)

Литература по истории печатного дела у евреев не бедна. Можно насчитать значительное количество монографий и журнальных статей, посвященных этому вопросу.² Но в большинстве своем они касаются еврейских типографий отдельных городов или определенных эпох. Общей же истории еврейского книгопечатания мы до сих пор не имеем.

¹ Польша берется в границах 1772 г.: это понятие таким образом охватывает и современные Белоруссию, Литву и значительную часть Украины.

² См. литературу к статье «Druckwesen», Enc. Judaica, VI, стр. 78—81.

Можно поэтому считать вполне своевременным появление вышеназванных книг.¹

В обеих книгах² материал расположен хронологически по городам. Изложение начинается с того города, где возникла первая по времени типография. В I таким городом является Краков, во II — Рим. Сообщаются подробные фактические сведения о каждой типографии данного города, указываются все или большинство ее сотрудников, перечисляются печатавшиеся в ней книги, причем даются подробные библиографические описания многих книг (особенно старопечатных) с обширными выдержками из титульных листов, предисловий и колофонов (заключений) книг, а также хорошо исполненные снимки (особенно инкунабул во II). Обе книги снабжены именными указателями, а II — также указателями книг и городов.

Не касаясь существа сообщаемых сведений,³ я хочу остановиться на общем построении книг.

¹ Автор известен и другими своими работами в области еврейской библиографии, из которых должен быть отмечен появившийся в 1928—1931 гг. его капитальный труд «Bēt'eqed sephārim», представляющий собой «библиографический лексикон всей еврейской и еврейско-немецкой литературы, включая книги, напечатанные еврейскими буквами на языках: итальянском, татарском, греческом, испанском, арабском, персидском и самаритянском за 1475—1900 гг.», — не лишенный, правда, ряда весьма существенных недочетов (см. Kirjat Sēpher, V, стр. 206—208; VI, стр. 451—456).

² В дальнейшем будем условно обозначать первую книгу через I, вторую — через II.

³ О значительном количестве фактических ошибок и неточностей в I см. Kirjat Sēpher, IX, стр. 432—439; XII, стр. 238.

В труде по истории любого явления мы в праве ожидать известных обобщений. Тем более это относится к такому крупному культурному явлению, как книгопечатание. Казалось бы, нашему автору следовало выяснить исторические условия возникновения и распространения книгопечатания у евреев, причины печатания тех или иных книг и выводы отсюда о «физиономии еврейской читающей публики того времени» (Хвольсон, «Еврейские старопечатные книги»). Автор должен был обобщить обработанный им богатый материал хотя бы в виде вступительного или заключительного очерка. Вместо этого мы имеем почти один голый перечень городов, годов, лиц и книг, ничем почти между собою не связанных, кроме хронологической последовательности появления типографий.¹ Перед нами, таким образом, не история, а скорее «летописный свод».

Само возникновение книгопечатания у евреев представляется автору в следующем упрощенном виде: «В сочинениях по истории рассказывается, что после взятия Майнца в 1462 г. архиепископом Густавом-Адольфом из Нассау было там разрушено много домов, в том числе дом изобретателя книгопечатания Иоганна Гутенберга. Его сотрудники рассеялись, вследствие этого, по разным городам... Двое поселились в Риме... В 1465 г. там была основана первая типография... Когда евреи, жители города, впервые увидели печатные книги, новое удивительное изобретение произвело на них очень сильное впечатление. Они сразу предвидели, что отныне обновится и омолодится тоже и еврейская литера-

тура» (II, стр. 1, глава «Рим»). После этого «вступления» сразу начинается «история» типографий.

В послесловии к I сам автор указывает на связь еврейского книгопечатания с событиями истории евреев. Однако, в своем изложении он проходит мимо крупнейших явлений еврейской истории, оказывавших большое влияние на работу печатного станка, или отделяется самыми общими, ничего не говорящими фразами.

Так, во второй половине XVIII в. большую часть еврейского населения территории, рассматриваемой в I, охватило мощное религиозное движение — хасидизм. Он вызвал усиленный спрос на старые религиозно-мистические произведения, которые стали переиздаваться (а некоторые издавались впервые) в большом количестве, и в свою очередь создал богатую литературу. С другой стороны, появилась значительная антихасидская литература. На ряду с другими формами борьбы, обе стороны часто практиковали публичное сжигание книг своих противников. Каково же отражение всего этого явления в нашей книге?

«Типограф Цеви-Гирш Марголис был, повидимому, дельным человеком и предвидел будущее. Он зорко наблюдал за широким распространением учения хасидизма среди народной массы, что вызвало усиленный спрос на книги «тайной мудрости» (каббалы. И. Б.). Так как в своем родном городе (Олксинец. И. Б.), жители которого и знать ничего не хотели про хасидов и хасидизм, а также препятствовали своим детям следовать по этому пути, у него были связаны руки, — ему ничего не оставалось, как оставить этот город и переселиться в Корец» (I, стр. 6).

Больше мы о хасидизме ничего не находим, кроме бессистемного перечисления книг соответственных типографий.

¹ Чуть ли не единственным исключением является обширная глава о Кракове в I, где мы находим, между прочим, интересные сведения об условиях сбыта книг, взаимоотношениях типографов, отношениях владельцев типографий с их работниками и т. п.

Еще меньше данных мы находим о «просветительном» движении среди евреев в XVIII—XIX вв. («гаскала») и его влияния на печатное дело.

Точно так же в обеих книгах почти совершенно не освещается роль цензуры (как христианской, так и еврейской) в судьбе еврейских книг и типографий: автор ограничивается только случайными, мимолетными замечаниями о цензуре.

В 1836 г. «для облегчения надзора за еврейскими типографиями» были закрыты все еврейские типографии в России; оставлены были только две типографии: в Вильне и в Киеве.¹ Эта мера была предложена правительству главой еврейских «просветителей» И. Б. Левинзоном, с одной стороны — в целях борьбы с фанатизмом хасидов, с другой — для устранения злоупотреблений многочисленных, часто невежественных, еврейских цензоров.² Про этот просуществовавший до 1862 г. запрет еврейских типографий, как и про своеобразный единый фронт еврейских «просветителей» с русским правительством, представляющий, несомненно, один из любопытнейших эпизодов в истории еврейского книгопечатания, наш автор не считает нужным упомянуть ни единым словом.

Приведенных фактов достаточно для характеристики поверхностного отношения автора к историческим явлениям.

Автор уделяет мало внимания технике еврейского печатного дела. Имеются, правда, отдельные указания о виде и качестве шрифтов и некоторые другие, но они разрознены и не дают цельной картины. Ничего не говорится об истории внешнего оформления книг (титульный лист, пагинация и т. д.). Нет

также никаких сведений о работе корректоров, которые часто являлись фактически редакторами книг.

Нужно указать на заметную тенденциозность автора при подборе материала: он ограничивается почти исключительно богословско-религиозной литературой;¹ древнееврейская светская литература (в частности XIX—XX вв.) остается почти совершенно вне его поля зрения. Точно так же он совершенно игнорирует литературу на разговорно-еврейском языке (идиш), за исключением раннего периода (alt-jidiš).

Следует также отметить совершенно неуместный в научной работе клерикальный стиль (особенно в I). Достаточно привести следующие примеры: «... Раввин Моисей Иссерлес, которому бог даровал также богатство...» (I, стр. 4), «... после того, как бог спас типографа из рук его врагов...» (I, стр. 6), «... божья кара постигла типографа...» (I, стр. 11).

Язык автора, часто выспренный и напыщенный, неряшлив в грамматическом отношении.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: обе книги нельзя, вопреки их заглавию, называть «историей еврейских типографий». Однако, по богатству собранного материала, они могут служить, при осторожном пользовании ими, ценным пособием для всякого библиографа и историка еврейской книги. Нужно пожелать нашему автору довести свой труд, долженствующий, очевидно, охватить все еврейские типографии, до конца.²

И. Г. Бендер.

¹ Вторая типография открылась затем не в Киеве, а в Житомире.

² См. С. Л. Цинберг, Исаак-Бер Левинзон и его время. — Еврейск. старина, 1910, IV, стр. 513—516.

¹ Особенно это относится к I.

² Нам известен пока только титульный лист его книги, посвященной еврейским типографиям среднеевропейских стран.